ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2018
XXVII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1585

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2018 № 1585

СОДЕРЖАНИЕ

1397-1405 Светлой памяти погибшего на войне орнитолога и снайпера Николая Ильича Грачёва (1911-1943). Е.Э.ШЕРГАЛИН

1406-1414 Поведение насиживания и наседные пятна самцов у пяти видов птиц рода *Sylvia*. В.Д.ЕФРЕМОВ, В.А.ПАЕВСКИЙ

1415-1417 Случай похищения сорокой *Pica pica* пищи у белки *Sciurus vulgaris*. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ, И.С.ТАБОЛИНА

1418-1423 Отлов куликов на Куршской косе. А.П.ШАПОВАЛ, Д.Ю.ЛЕОКЕ

1423-1424 Голубая сорока *Cyanopica cyanus* в Баргузинском заповеднике. К.П.ФИЛОНОВ

1425-1426 К распространению ошейниковой овсянки *Emberiza fucata* в СССР. О.К.ГУСЕВ

1427-1428 Запасание корма у синиц *Parus* spp. и поползня *Sitta europaea*. А.В.БАРДИН

1429 Залёт саджи *Syrrhaptes paradoxus* в Амурскую область весной 1966 года. В.И.ПОТОРОЧА

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2018
Дата опубликования: 7 марта 2018

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXVII
Express-issue

2018 № 1585

CONTENTS

1397-1405 The bright memory of the ornithologist and sniper Nikolai Ilyich Grachev (1911-1943) who died in the war. E.E.SHERGALIN

1406-1414 Incubation behaviour and incubation patches of males in five species of genus *Sylvia*. V.D.EFREMOV, V.A.PAYEVSKY

1415-1417 Magpie *Pica pica* steals food from the squirrel *Sciurus vulgaris*. N.N.BEREZOVIKOV, I.S.TABOLINA

1418-1423 The catching of waders on the Curonian Spit. A.P.SHAPOVAL, D.Yu.LEOKE

1423-1424 The azure-winged magpie *Cyanopica cyanus* in the Barguzin Reserve. K.P.FILONOV

1425-1426 To distribution of the chestnut-eared bunting *Emberiza fucata* in the USSR. O.K.GUSEV

1427-1428 Food storage in tits *Parus* spp. and the nuthatch *Sitta europaea*. A.V.BARDIN

1429 The invasion of the Pallas's sandgrouse *Syrrhaptes paradoxus* in Amur Oblast in the spring of 1966. V.I.POTOROCHA

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2018

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1397-1405*

Светлой памяти погибшего на войне орнитолога и снайпера Николая Ильича Грачёва (1911-1943)

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 4 марта 2018

Этой весной исполняется семьдесят пять лет с тех пор, как известный советский орнитолог и признанный авторитет по куриным птицам Мария Алексеевна Кузьмина (1910-1986) получила с фронта извещение о гибели своего мужа Николая Ильича Грачёва (1911-1943), тоже орнитолога. «Похоронка» пришла по адресу: Алма-Ата, улица Красина, дом 105. Благодаря семейному архиву их дочери Татьяны Николаевны Саловой (Грачёвой) мы восстанавливаем краткий, но яркий жизненный путь этого учёного.

Николай Ильич Грачёв – младший сержант 73-й стрелковой дивизии (Дальний Восток, 1939 год). Эта и все последующие фотографии из семейного архива Татьяны Николаевны Саловой.

Николай Ильич Грачёв родился 6 мая 1911 года в Самаре, в семье учителя мужской гимназии Ильи Петровича Грачёва и его жены Анны Ивановны. В их семье росло четыре сына: Николай (1911 года рождения), Леонид (1913), Алексей (1923) и Лев (1925).

Хорошо известно, что Николай Ильич Грачёв и Мария Алексеевна Кузьмина вместе с Игорем Александровичем Долгушиным стояли у самых истоков академической орнитологической науки в Казахстане. Но познакомились Николай Ильич и Мария Алексеевна в 1932 году не в Казахстане (хоть и недалеко от его границы), а в Ильменском заповеднике на юге Урала. Тогда Николай работал в этом заповеднике охотоведом, а Мария приехала туда на полевую практику, будучи студенткой кафедры зоологии позвоночных биологического факультета Ленинградского университета.

Счастливые Г.И.Грачёв и М.А.Кузьмина
в Ильменском заповеднике в год знакомства (1932).

Мария Алексеевна Кузьмина (9 апреля 1910, Петербург – 26 июня 1986, Алма-Ата) родилась в столице Российской империи в семье статского советника и судебного следователя Алексея Васильевича Кузьмина и его жены Зинаиды Васильевны, но выросла она, к сожалению,

частично в детдоме, куда её вместе со старшей сестрой Ксенией была вынуждена отдать мать в период разрухи и катастрофического голода в Гражданскую войну (Ковшарь 2003, с. 98). Так поступали тогда многие люди. Молодое государство, несмотря на нищету, гарантировало еду и тепло всем детдомовским детям. Отчаянное положение Зинаиды Васильевны было усугублено ещё и тем обстоятельством, что её муж Алексей Васильевич трагически погиб 27 февраля 1917 года. Как следует из архивной справки от 8 марта 1917 года на имя Председателя Петроградского окружного суда П.П.Жемчужникова «пал жертвою выстрелов освобождённых уголовных арестантов в коридоре следственных камер, в тот момент, когда он находился при исполнении служебных обязанностей». В результате трагической потери мужа Зинаида Васильевна осталась одна с двумя дочерями – Ксенией и Марией, в то время как третья дочь Людмила родилась уже спустя два месяца после гибели отца.

После окончания Кузьминой Ленинградского университета в 1933 году Мария и Николай приезжают в Казахстан, в Алма-Ату, где супружеская чета поступает на работу в сектор зоологии Казахского филиала Академии наук СССР (КазФАН). Здесь уже с 1932 года работал Игорь Александрович Долгушин (1908-1966), а также преподаватель Ленинградского университета Леонид Михайлович Шульпин (1905-1942), приехавший в Казахстан для изучения птиц и организации орнитологической ячейки сектора зоологии КазФАНа.

Сотрудники КазФАН СССР, Алма-Ата, 1933 год.
Мария Алексеевна Кузьмина в заднем ряду 4-я справа, в тёмном платье, большеглазая, с короткой стрижкой, смотрит влево; Николай Ильич Грачёв тоже в заднем ряду от неё влево через одно лицо (4-й слева).

На представленной выше удивительной фотографии присутствует большинство сотрудников Казахстанского филиала Академии Наук СССР: здесь и зоологи, и ботаники, и геологи, и представители других специальностей. Среди них ботаник Михаил Григорьевич Попов (он во втором ряду 9-й справа, ниже М.А.Кузьминой). М.Г.Попов вместе с Николаем Ивановичем Вавиловым участвовал в экспедиции в Западный Китай в 1929 году, а с 1930 по 1940 год работал в Казахстане. Он много сделал по изучению диких плодовых зарослей Заилийского Алатау.

Приехав в Алма-Ату, Николай Ильич Грачёв и Мария Алексеевна Кузьмина немедленно, прямо «с колёс» с энтузиазмом включились в работу. В 1934 году был совершён первый экспедиционный выезд небольшого отряда, возглавляемого М.А.Кузьминой, в низовья Иргиза и Тургая. Тяжёлые бытовые условия, жара, безводье, голод, свирепствовавший в районе, как и во многих других местах Казахстана, сопровождал работу отряда, но намеченная программа была выполнена.

Н.И.Грачёв и М.А.Кузьмина на заднем плане.
Первый экспедиционный выезд в Тургай. Иргиз. Казахстан. .1934 год.

В.Д.Сокира-Яхонтов (слева), И.А.Долгушин (в центре), Н.И.Грачёв (справа). Алма-Ата. 1936 год.

Н.И.Грачёв с коллегой в низовьях реки Или. 1936 год.

И в самой столице Казахстана жизнь в те годы была нелёгкая. «Как рассказывала впоследствии Мария Алексеевна, до войны они жили сначала на Медео, где Николай работал в заповеднике, и Марии

Алексеевне не раз приходилось проходить пешком 12 км до здания КазФАН, которое помещалось на углу улицы Виноградова (ныне Карасай-батыра) и проспекта Ленина (ныне Достык), а в конце дня Коля по возможности приезжал за ней на подводе или встречал по дороге (в противном случае и обратный путь, уже в гору – с 800 до 1800 м над уровнем моря – приходилось также идти пешком)» (Ковшарь 2014, с. 193-194)

Н.И.Грачёв на гнезде чёрного грифа в горах Казгурта. 1938 год.

В последующие годы (1935-1939) Николай Ильич становится коллегой, другом и неизменным спутником Игоря Александровича Долгушина – главы молодой орнитологической школы Казахстана. Николай Ильич был отличным стрелком, а это качество для сбора орнитологических коллекций трудно переоценить. В 1935-1936 годы два полевых сезона полностью посвящаются исследованиям орнитофауны в низовьях реки Или. В 1937 году следует экспедиция в Центральный

Казахстан на озеро Кургальжино. В 1938 году предприняты экспедиционные выезды в окрестности Капчагая, Иссыка, Казгурта (Южный Казахстан), а в 1939 году – выезд в Павлодарское Прииртышье. Результаты этих полевых исследований отражены в четырёх публикациях Николая Ильича (Грачёв 1937а,б; 1939; Грачёв, Кузьмина 1948).

И.А.Долгушин и Н.И.Грачёв в Павлодарском Прииртышье. 1937 год.

Н.И.Грачёв. Капчагай. 1938 год.
Николай Ильич был не только метким стрелком,
но и прекрасным таксидермистом. Добытый и обработанный
им материал постоянно пополнял создаваемую коллекцию птиц.

Растёт и семья Николая Ильича и Марии Алексеевны. В 1936 году у них рождается сын Юрий, а в 1938 году – дочь Татьяна. Юрий продолжил семейные традиции: он стал орнитологом и с 1962 по 2000 год работал в лаборатории орнитологии Института зоологии Казахстана. Он занимался различными группами птиц, но в основном куриными. Опубликовал книгу «Кеклик» (1983). Дочь Татьяна получила специальность ботаника-плодовода, стала кандидатом сельскохозяйственных наук и полвека посвятила изучению диких казахстанских плодовых – яблони и абрикоса, прародителей культурных сортов.

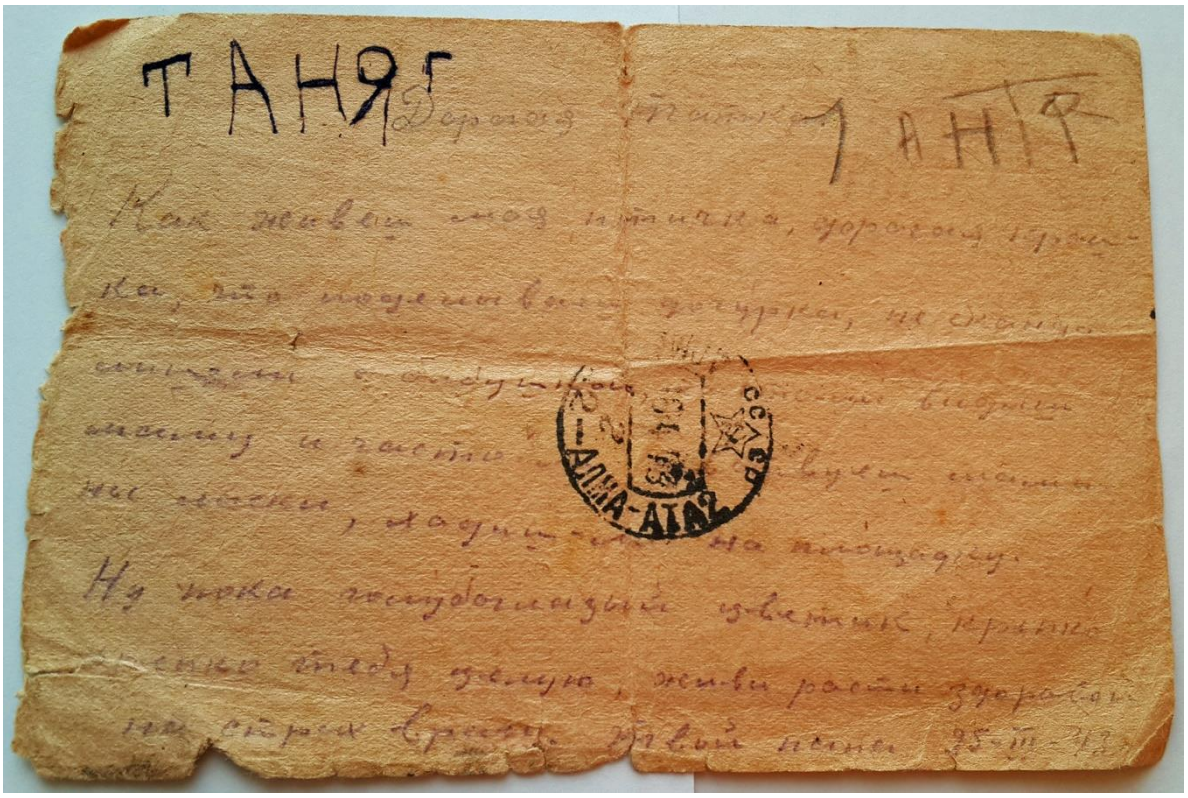
Осенью 1939 года, то есть ещё за два года до начала войны, Николай Ильич был призван Фрунзенским райвоенкоматом города Алма-Аты в Красную Армию. Служил он на Дальнем Востоке. С началом Великой Отечественной войны его 73-я стрелковая дивизия была переброшена на Западный фронт. Навыки меткой стрельбы пригодились и на фронте – он был снайпером. В переломное для хода войны время 25 апреля 1943 года в деревне Дубрачи Становлянского района Орловской области (ныне Белгородская область) его жизнь оборвалась. Он был убит в возрасте всего 32 лет. Невозможно описать горе и чувства его семьи и родителей: из четверых братьев Грачёвых с войны не вернулся никто!

В семье потомков Николая Ильича бережно хранится одна реликвия – его очень трогательное письмо пятилетней дочери Татьяне (называемой в детстве Таткой), написанное с фронта 75 лет назад, 25 марта 1943 года, за месяц до трагической гибели. Приводим его с двух сторон и отдельно полностью текст.

Поздравляю
с 25-и
1918
1943
Казахская ССР
г. Алма-Ата ул. Красина 105
Татьяне Николаевне Грачевой
Адрес отправителя П.Н.С. 45912 Н. Грачев.

„... Необходимо, чтобы наша промышленность, особенно военная промышленность работала с удвоенной энергией. Необходимо, чтобы с каждым днем фронт получал все больше и больше танков, самолетов, орудий, минометов, пулеметов, винтовок, автоматов, боеприпасов". (СТАЛИН)

Г 110082 Изд-во „Искусство". Тир. 500 000. Заказ 19[illegible]. ц. 20 коп. Тип. газеты „Правда" имени Сталина.



Дорогая Татка!

Как живёшь, моя птичка, дорогая крошка, что поделываешь, дочурка, не скандалишь ли с бабушкой, часто ли видишь маму и часто ли чувствуешь мамины ласки, ходишь ли на площадку? Ну пока, голубоглазый цветик, крепко-крепко тебя целую, живи, расти здоровой на страх врагу. Твой папа. 25-III-43.

Вечная память всем не вернувшимся с фронта!

Автор признателен дочери Николая Ильича Грачева Татьяне Николаевне Саловой (Грачевой) за материал и фотографии к этой статье, а также Анатолию Федоровичу Ковшарю и Анатолию Максимовичу Семе за помощь с контактами.

Литература

Грачёв Н.И. 1937а. Поездка на озеро Кургальджин // *Боец-охотник* 9.

Грачёв Н.И. 1937б. Заповедник в дельте Или // *Боец-охотник* 10.

Грачёв Н.И. 1939. Добавления к орнитофауне Кзыл-Ординской области // *Изв. Каз. фил. АН СССР*. Сер зоол. **1**, 1: 113-114.

Грачёв Н.И., Кузьмина М.А. 1947. Материалы по питанию сырдарьинского фазана (*Phasianus mongolicus turkestanicus* Lorenz) // *Изв. АН КазССР* **36**: 107-119.

Ковшарь А.Ф. (сост.) 2003. *Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. Биобиблиографический справочник*. Алматы: 1-248.

Ковшарь А.Ф. 2014. *Птицы. Дороги. Люди (воспоминания орнитолога).* В двух частях. Часть 1. Полвека в СССР, при социализме (1941-1991). Алматы: 1-664.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1406-1414*

Поведение насиживания и наседные пятна самцов у пяти видов птиц рода *Sylvia*

В.Д.Ефремов, В.А.Паевский

*Второе издание. Первая публикация в 1973**

Родительское поведение птиц – комплекс инстинктивных действий, различные фазы которых совмещаются с половым поведением или следуют за ним. Одним из наиболее важных его проявлений является насиживание яиц. Степень участия самок и самцов в насиживании различна у птиц разных отрядов, семейств и даже родов. У представителей некоторых отрядов оба пола насиживают и имеют наседное пятно. В других отрядах насиживают и имеют наседное пятно либо только самки, либо только самцы. Наседные пятна не обнаружены у Ratitae, Pelecaniformes и Anseriformes. Эволюция гнездового поведения характеризуется всё более возрастающим участием самки во всех заботах о потомстве (Kendeigh 1952).

Микроструктура наседного пятна, его морфология, кровоснабжение и соответствие развития стадиям репродуктивного цикла описаны достаточно хорошо (Bailey 1952; Petersen 1955; Люлеева 1967; Jones 1971). Тем не менее, до настоящего времени в литературе чрезвычайно мало конкретных сведений о степени участия самцов в насиживании и об образовании у них наседных пятен. Один из наименее изученных отрядов в этом отношении – воробьиные. Бэйли (Bailey 1952) утверждал, что самцы воробьиных не имеют наседных пятен и не инкубируют яйца, даже если они регулярно сменяют насиживающую самку. Впоследствии появились данные о том, что у некоторых видов этого отряда самцы принимают участие в насиживании и имеют хорошо выраженные наседные пятна (Mewaldt 1952; Parkes 1953; Lloyd 1965).

Об участии самцов славок *Sylvia* в насиживании кладки упоминается в литературе (Волчанецкий 1954; Портенко 1960; и др.). Что же касается наседных пятен у самцов славок, то имеется указание о наличии их у черноголовки *Sylvia atricapilla* (Мальчевский 1959) и пустынной славки *Sylvia nana* (Рустамов 1954). Цель настоящей работы – выяснить степень участия самцов пяти обычных европейских видов славок в насиживании и степень развития у них наседных пятен.

Исследование проводилось на Куршской косе Балтийского моря на базе полевого стационара «Фрингилла» Биологической станции Зоологического института АН СССР в 1971-1972 годах. Объектом изучения были славки *Sylvia:* ястребиная

* Ефремов В.Д., Паевский В.А. 1973. Поведение насиживания и наседные пятна самцов у пяти видов птиц рода *Sylvia* // *Зоол. журн.* **52**, 5: 721-728.

S. nisoria, садовая *S. borin*, черноголовая *S. atricapilla*, серая *S. communis* и славка-завирушка *S. curruca*. Степень развития наседного пятна у самцов этих видов исследовалась при повторных отловах окольцованных особей стационарными рыбачинскими ловушками (Эрик 1967) и при отловах на гнёздах паутинной сетью. У пойманных птиц определяли пол, главным образом по форме и размеру клоаки. Птиц маркировали метками, изготовленными из разноцветной вощёной бумаги, фольги или тонкого алюминия. Метку прикрепляли клеем «суперцемент» на лоб или темя, так как эти части хорошо заметны при нахождении птицы в гнезде. Черноголовых славок, обладающих хорошо выраженным половым диморфизмом, не метили. У ястребиной и серой славок пол в ряде случаев определяли и по другим дополнительным признакам: самцы ястребиной славки имеют ярко-жёлтую, а большинство самок – жёлто-зелёную радужину; самцы серой славки, в отличие от самок, имеют розовый налёт на груди. Некоторых птиц, пойманных ранее, в период весенней миграции, метили подобным же образом. Как показали дальнейшие наблюдения, мечение не влияло на их размножение, поскольку все помеченные нами птицы успешно вывели птенцов.

В 1972 году было проведено 12 круглосуточных наблюдений за 10 гнёздами всех 5 видов, а в 1971 году несколько дней подряд каждый час с 6 до 22 ч проводили регистрацию пола насиживающей птицы (3 гнезда). Наблюдения проводили из палатки, устанавливаемой на расстоянии 4-8 м от гнезда, в зависимости от вида птицы и условий расположения гнезда. Для наблюдения использовали длиннофокусный объектив (300 мм), соединённый с фотокамерой, имеющей зеркало постоянного визирования. Ловлю и мечение птиц производили за 2-3, а установку палатки – за 1-2 сут до начала наблюдений. В период ловли птиц и подготовки к наблюдениям в 3 случаях из 17 родители бросили гнёзда, а в 3 других самцы перестали принимать участие в насиживании.

Проведённые исследования позволили установить общую продолжительность инкубирования яиц в течение суток, степень участия самки и самца в насиживании, а также ритмику смены партнёров на гнезде (табл. 1). Следует отметить, что отсутствие самца в трёх из приводимых случаев является артефактом, вызванным нарушением естественной обстановки около гнезда и отловом птиц. В двух случаях естественный ритм смены партнёров восстановился после снятия палатки. На всех остальных гнёздах смена партнёров была регулярной, повторяясь через определённые интервалы времени. У всех видов, кроме славки-завирушки, смене насиживающей самки предшествовала особая короткая песня самца, представляющая собой часть обычной видовой песни. Смена самки самцом у славки-завирушки, а также смена самцов у всех видов не сопровождалась каким-либо звуковым сигналом. Возможно, что в этих случаях существует не слышимая человеком звуковая сигнализация, поскольку внезапная смена птиц на гнезде иногда исключала, по нашим наблюдениям, какое-либо зрительное или тактильное восприятие партнёра. Так, например, мгновенное покидание гнезда особью – спящей или передвигающей яйца, резко отличалось от реакции этой особи на случайное появление чужой птицы того же вида в непосредственной близости от гнезда (наси-

живающая птица, оставаясь в гнезде, принимала угрожающие позы).

Необходимо подчеркнуть, что в течение всего периода насиживания у всех исследованных видов самцы регулярно поют, но эта видовая песня внешне не влияет на поведение самки, в отличие от вышеуказанной сигнализации. Следовательно, регулярное пение самцов отнюдь не свидетельствует о том, что они не принимают участия в насиживании, как это иногда считают.

У всех пяти видов и во всех наблюдавшихся случаях ночью на гнезде оставались только самки. Продолжительность пребывания самки на гнезде в тёмное время суток подвержена колебаниям в зависимости от освещённости, общей ритмики насиживания и обилия корма. Она составляет от 5 до 8.5 ч, не обнаруживая видовых отличий.

Ритмика смены партнёров на гнезде и продолжительность однократного насиживания самца и самки в светлое время суток были различны как в пределах вида, так и рода. Две исследованные пары серой славки резко отличались как по числу смен партнёров, так и по продолжительности непрерывного пребывания насиживающей птицы на гнезде. В одном из этих гнёзд (№ 2, табл. 1) смена партнёров была частой, и продолжительность насиживания самкой и самцом редко превышала 15 мин, будучи всегда приблизительно одинаковой. В другом гнезде (№ 1, табл. 1) самец сменял самку через 1.5-2 ч, пребывая в гнезде в среднем около 50 мин, тогда как самка после 20-минутного насиживания сходила с гнезда на 3-7 мин.

У двух исследованных пар славки-завирушки заметных отличий в ритмике смены партнёров не отмечено, но и у славки-завирушки и у серой славки продолжительность общего пребывания самца на гнезде увеличивается к концу периода насиживания.

Для ястребиной, черноголовой и садовой славок мы располагаем точными данными круглосуточных наблюдений по двум кладкам для каждого вида, одна из которых насиживалась самкой и самцом, а другая – только самкой (№№ 5-10). Как уже указывалось выше, отсутствие самца нельзя считать естественным явлением, и эти случаи можно рассматривать как экспериментальное удаление самца для определения потенциальных изменений хода насиживания самки и её поведения. Следует, однако, сказать, что хотя эти самцы и не насиживали, они продолжали охранять территорию и предупреждать самку об опасности. Кроме того, самец садовой славки регулярно, через удивительно равные промежутки времени, издавал «сигнал смены», после которого самка сходила с гнезда.

Сравнивая ритмику инкубирования двумя партнёрами с ритмикой насиживания кладки только самкой, можно определить, что на общей продолжительности инкубирования отсутствие самца сказалось мало. Самки увеличивают время пребывания на гнезде либо за счёт удли-

Таблица 1. Материалы круглосуточных наблюдений за насиживанием славок (время в минутах)

№ гнёзд	Даты наблюдений	Виды	Продолжительность насиживания днём						Продолжительность насиживания самки ночью	Гнездо без птиц (○)			Доля суток (%), приходящаяся на			Порядковый день насиживания
			♂			♀										
			lim	*M*	*n*	lim	*M*	*n*		lim	*M*	*n*	♂	♀	○	
1	4-5.07	*S. communis*	29-85	52.7	6	1-73	21.5	24	496	1-10	4.7	24	70.3	21.9	7.8	8
2	28-29.06	*S. communis*	1-30	14.3	25	1-43	13.2	40	370	1-18	4.4	42	62.3	24.7	13.0	6
2	3-4.07	*S. communis*	2-39	14.9	35	1-54	12.0	39	358	1-15	2.5	36	57.4	36.2	6.4	11
3	10-11.06	*S. curruca*	13-46	28.2	11	2-90	40.1	16	437	1-26	4.7	И	74.9	21.5	3.6	2
3	14-15.06	*S. curruca*	20-50	34.9	11	5-63	30.9	23	300	1-8	2.5	18	70.1	26.7	3.2	6
4	21-22.06	*S. curruca*	14-38	23.0	21	2-56	22.1	24	396	1-9	2.6	12	64.2	33.6	2.2	6
5	15-16.06	*S. nisoria*	1-27	11.3	37	1-33	13.0	42	385	1-6	2.0	45	64.8	29.0	6.2	12
6	8-9.07	*S. nisoria*	–	–	–	1-57	16.1	40	518	1-16	7.0	40	80.7	–	19.3	11
7	7-8.07	*S. atricapilla*	2-34	16.5	11	3-75	35.1	18	450	1-110	12.6	14	75.1	12.6	12.3	7
8	23-24.06	*S. atricapilla*	–	–	–	5-46	19.0	43	481	1-8	3.2	43	90.3	–	9.7	10
9	14-15.07	*S. borin*	4-19	9.1	16	5-44	17.1	39	410	1-17	6.5	33	75.1	10.1	14.8	10
10	10-11.07	*S. borin*	–	–	–	6-47	16.9	46	400	2-13	5.7	46	81.7	–	18.3	8

M – среднее значение. Во всех указанных гнёздах произошло нормальное вылупление и вылет птенцов.
В гнёздах №№ 2, 5 и 6 вылупление началось во время наблюдения.

нения однократного насиживания (ястребиная славка), уменьшения времени отлучек (черноголовая), либо за счёт того и другого (садовая). Несмотря на то, что индивидуальная изменчивость поведения самки при отсутствии самца здесь не учтена, лабильность поведения самок очевидна.

Видовые различия в степени участия самца в насиживании трудно оценить из-за отсутствия достаточно сравнимого материала. Технические трудности создания автоматического устройства, регистрирующего пол насиживающей птицы, не позволили нам выяснить размах индивидуальных вариаций гнездового поведения самцов и самок. Тем не менее, можно полагать, что степень участия самцов садовой и черноголовой славок в насиживании значительно меньше, чем у серой, ястребиной и завирушки. Сходное поведение самцов славки-завирушки и ястребиной славки подтверждается также специальными наблюдениями, при которых производилась только почасовая регистрация пола сидящей на гнезде птицы (табл. 2). Пересчитывая данные таблицы 1 только для дневного времени инкубирования и сравнивая их с данными таблицы 2, обнаруживаем, что доля участия самца у *S. curruca* выражается цифрами 31-46%, а у *S. nisoria* – 32-40%.

Таблица 2. Сопоставление данных круглосуточных наблюдений с материалами почасовых регистраций пола насиживающей птицы

№ гнёзд	Виды	Дата регистрации	Дата вылупления	Число регистраций	Участие самцов и самок в дневном насиживании, %		
					♀	♂	○
11	*S. nisoria*	20-28.06	23.06	123	51.3	32.5	16.2
12	*S. nisoria*	20-29.06	28.06	121	52.4	40,0	6.6
13	*S. curruca*	21-28.06	25.06	102	52.9	38,2	8.9
5	*S. nisoria*	Данные таблицы 1			51,8	39,7	8.5
3	*S. curruca*				62.4	33.6	4.0
3	*S. curruca*				63.9	30,9	5.2
4	*S. curruca*				50.7	46.3	3.0

Поведение насиживающего самца в большинстве исследованных гнёзд в основном ничем не отличается от поведения насиживающей самки. Самцы столь же регулярно, как и самки, через определённые промежутки времени приподнимаются на лапах и, не выходя из гнезда, передвигают яйца при помощи клюва и особых телодвижений. Количество подобных передвижений яиц в день варьирует от 90 у черноголовой и серой славок до 162 у славки-завирушки. После очередной смены партнёров каждая особь обычно занимала своё определённое положение в гнезде, а после передвижения яиц изменяла направление оси тела от 30 до 180-270°. Самцы так же, как и самки, помогают птенцу при вылуплении и уносят скорлупки из гнезда. Птицы обоего

пола начинают пытаться кормить вновь появившегося птенца спустя несколько минут после вылупления. Кормление происходит при очередной смене насиживающих птиц. Наблюдались и другие, иногда весьма оригинальные индивидуальные особенности поведения. Так, одна самка славки-завирушки, гнездо которой располагалось на можжевельнике, помимо склёвывание проползающих по гнезду насекомых (что обычно для всех видов), проглатывала зелёные и жёлтые можжевеловые хвоинки, разыскивая их в стенках гнезда, а иногда даже срывая их с веток. Всего за день насиживания ею было проглочено 49 таких хвоинок. В другом гнезде славки-завирушки, а также в одном гнезде ястребиной славки как самки, так и самцы при очередной смене партнёра приносили коконы пауков, которыми постепенно обрамляли гнездо.

Важно отметить, что самцы участвуют не только в насиживании кладки, но и в обогревании птенцов, продолжая, наряду с самкой, регулярно сидеть на гнезде даже с 5-6-дневными птенцами. Как уже упоминалось выше, степень участия самца увеличивается ко времени вылупления и, по-видимому, продолжает оставаться на том же уровне ещё некоторое время. Это подтверждается также и степенью развития наседных пятен.

Рис. 1. Наседные пятна самцов славки-завирушки *Sylvia curruca*.
Слева – вторая стадия, справа – третья стадия.

Наседные пятна у самцов рассмотренных видов были выражены в той или иной степени у всех пойманных на гнёздах и у многих пойманных стационарными ловушками особей, за исключением серой славки. Ни у одного самца *S. comminis* из 27, пойманных в период гнездования, не было обнаружено выпадения перьев, что прежде всего

характерно для образования наседного пятна. Наиболее чётко наседные пятна выражены у самцов славки-завирушки и ястребиной славки, которые при их крайнем развитии к концу насиживания внешне не отличаются от наседных пятен самок на той же стадии инкубации кладки (рис. 1 и 2). Несмотря на более растянутое, чем у самок, развитие, наседное пятно самцов претерпевает все стадии такового у самок: выпадение пуховых перьев на вентральной аптерии, гиперваскуляризацию и утолщение кожи, кожный отёк и стадию восстановления.

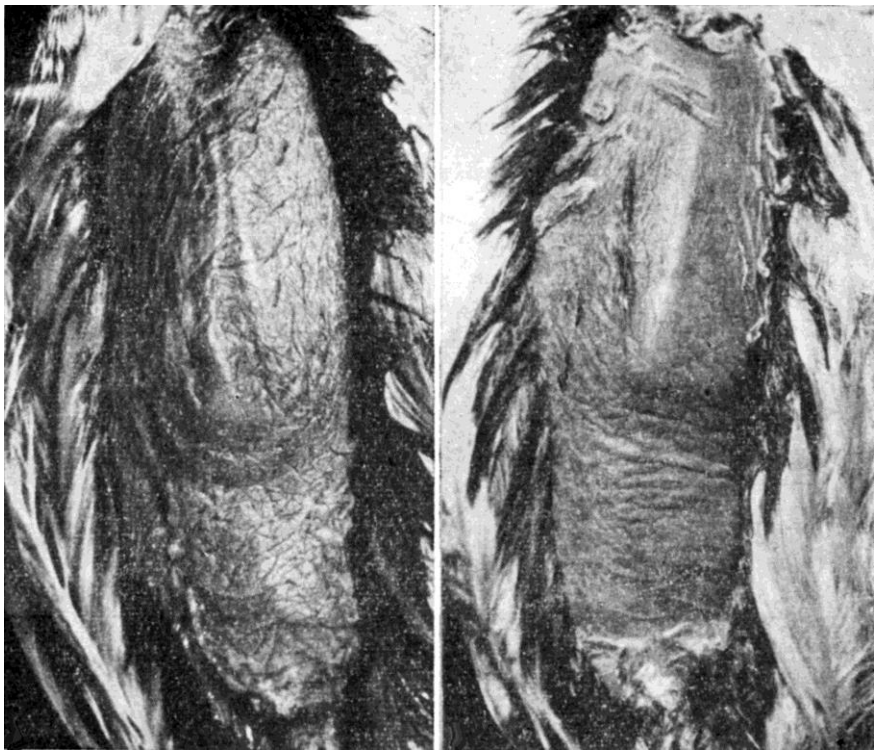


Рис. 2. Наседные пятна ястребиной славки *Sylvia nisoria* (третья стадия). Слева – самка, справа – самец.

Наседные пятна у самцов черноголовой и садовой славок выражены в меньшей степени, чем у ястребиной славки и славки-завирушки, за счёт заторможенности стадии выпадения перьев, хотя наличие наседного пятна у этих видов не вызывает сомнения. Казалось бы, развитие наседных пятен можно связать с разной степенью участия самцов в насиживании, что и подтверждается примерами четырёх видов. Однако отсутствие внешних признаков наседного пятна у самцов серой славки при большой степени участия их в насиживании противоречит этому и остаётся пока необъяснимым.

Малая изученность механизма гормонального контроля образования наседного пятна затрудняет интерпретацию эволюции этого образования в пределах класса. Отсутствие наседного пятна у бескилевых птиц, возможно, свидетельствует о том, что это образование является в эволюции достаточно новым. Оно могло развиться в ответ на неблагоприятные условия среды: периоды всеобщего похолодания или засуш-

ливые периоды. Последние, на наш взгляд, могли сыграть главную роль. Известно, что поддержание необходимой влажности столь же, если не более обязательно для нормального развития эмбриона, как и поддержание определённой температуры. Сразу же после откладки яйцо начинает терять воду путём испарения, и мелкие яйца теряют в процентном отношении к их весу гораздо больше воды, нежели крупные (Романов, Романова 1959). Эффективная инкубационная температура для большинства воробьиных птиц 34°C (Tucker 1943), а температурный порог развития эмбрионов разного возраста гораздо ниже нормальной инкубационной температуры и составляет, например, у *Troglodytes aedon* всего 17.2°C (Kendeigh 1963). Температура же тела разных видов птиц колеблется примерно от 38 до 43.5°C (Шилов 1971), что существенно выше инкубационной температуры. Анализируя развитие наседного пятна, можно предположить, что наибольшей теплоотдачей характеризуется вторая стадия, при которой пятно имеет развитую сеть кровеносных сосудов на поверхности кожи (рис. 1, слева), тогда как при третьей стадии (рис. 2) большинство кровеносных сосудов отделено от поверхности кожи лимфой. На третьей стадии пятно обладает наибольшей влагоотдачей, поскольку в пространство между складками проникает лимфа и инфильтруются лейкоциты (Jones 1971). Основное насиживание происходит именно на третьей стадии.

Некоторые исследователи, изучая зависимость ритмики насиживания от температуры воздуха и инсоляции, отмечают характерное противоречие: как при низкой, так и при самой высокой температуре окружающей среды плотность насиживания близка к максимуму, несмотря на бо́льшую устойчивость эмбрионов к действию низкой температуры, чем к высокой (Пономарева 1971). Это противоречие можно устранить, если принять во внимание необходимую роль наседного пятна в поддержании определённой влажности в гнезде, что особенно важно при высокой температуре воздуха и инсоляции. Известно, что при повышении температуры среды до величин, близких к температуре тела, испарительная влагоотдача оказывается главным терморегуляторным механизмом птиц (Шилов 1971). Устранение возможного перегрева кладки, достигаемое особым поведением насиживающей птицы (затенение, взмахи крыльями), было бы невозможным без постоянного испарения с поверхности яиц при сохранении в то же время необходимой влажности. Последнее может осуществляться или прямым смачиванием яиц и гнезда водой, как это наблюдается у некоторых Ciconiiformes (Kahl 1970), или же увлажнением от наседного пятна, если этого достаточно. Прерывистая инкубация в период откладки яиц, без которой не происходит нормального развития эмбрионов (Болотников и др. 1969), также может объясняться не только необходимостью кратковременных прогреваний яиц, но и предохранением яиц от потерь воды.

Очевидно, что сокращение периода инкубации выгодно для птиц, какими бы способами оно ни достигалось. Сменное насиживание яиц самкой и самцом наиболее широко распространено среди неворобьиных птиц. Существование сменного насиживания у славок, вероятно, вызвано так же, как и у других птиц, необходимостью поддержания определённой температуры и влажности в гнезде в сочетании с тенденцией к наибольшему сокращению времени инкубации.

Литература

Болотников А.М., Шураков А.И., Каменский Ю.Н., Королёв В.К. 1969. Адаптивное значение прерывистой инкубации в период яйцекладки // *Учён. зап. Перм. пед. ин-та* **69**: 50-66.

Волчанецкий И.Б. 1954. Род славки – *Sylvia* // *Птицы Советского Союза*. М., **6**: 330-388.

Люлеева Д.С. 1967. О наседном пятне у воробьиных птиц // *Экология млекопитающих и птиц*. М.: 301-308.

Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.

Пономарёва Т.С. 1971. Роль факторов среды и свойств гнезда в поведении насиживающих птиц // *Зоол. журн*. **50**, 11: 1709-1719.

Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР (Воробьиные)*. Ч. 4. М.; Л.: 1-415 (Определители по фауне СССР, изд. Зоол. ин-том АН СССР. Вып. 69).

Романов А.Л., Романова А.И. 1959. *Птичье яйцо*. М.: 1-620.

Рустамов А.К. 1954. Птицы пустыни Кара-Кум // *Учён. зап. Туркмен. ун-та* **2**: 7-344.

Шилов И.А., 1971. Проблемы общей экологической физиологии птиц // *Зоология позвоночных. Вопросы орнитологии*. Итоги науки. Сер. биол. М.: 7-51.

Эрик В.В. 1967. Большая ловушка для массового отлова птиц // *Миграции птиц Прибалтики*. Л.: 51-55.

Bailey R.E., .1952. The incubation patch of passerine birds // *Condor* **54**, 3: 121-136.

Jones R.E., 1971. The incubation patch of birds // *Biol. Rev. Cambridge* **46**, 3: 315-339.

Kahl M.P. 1970. Observations on the breeding of storks in India and Ceylon // *J. Bombay Nat. Hist. Soc*. **67**, 3: 453-461.

Kendeigh S.C. 1952. Parental care and its evolution // *Illinois Biol. Monogr*. **22**: 1-368.

Kendeigh S.C. 1963. New ways of measuring the incubation period of birds // *Auk* **80**, 4: 453-461.

Lloyd J.A., 1965. Seasonal development of the incubation patch in the Starling *(Sturnus vulgaris)* // *Condor* **67**, 1: 67-72.

Mewaldt L.R. 1952. The incubation patch of the Clark Nutcracker // *Condor* **54**, 4: 361.

Parkes K.S. 1953. The incubation patch in males of the suborder Tyranni // *Condor* **55**, 3: 218-219.

Petersen A.J. 1955. The breeding cycle in the Bank Swallow // *Wilson Bull*. **67**, 4: 236-286.

Tucker B.W. 1943. Brood-patches and the physiology of incubation // *Brit. Birds* **37**, 1: 22-28.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1415-1417*

Случай похищения сорокой *Pica pica* пищи у белки *Sciurus vulgaris*

Н.Н.Березовиков, И.С.Таболина

Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru
Ирина Сергеевна Таболина. Караганда, Казахстан

Поступила в редакцию 26 февраля 2018

На территории дома отдыха «Шахтёр» у озера Пашино в Каркаралинском бору (Карагандинской область) уже многие годы среди отдыхающих существует традиция подкармливания птиц. Обычно после столовой многие из них отправляются к ближайшей кормушке, чтобы положить в неё традиционное угощение для птиц и белок, а затем совершают прогулку с детьми к причалу на озере, где занимаются подкормкой хлебом чаек и уток.

Рис. 1. Белка *Sciurus vulgaris* в кормушке с булочкой. Каркаралинский бор. 18 октября 2012. Фото И.С.Таболиной.

Примечательно, что вокруг кормушек за многие годы сформировались сложные трофические взаимоотношения и своеобразная иерархия между её посетителями. Как хозяева ведут себя около них большие пёстрые дятлы *Dendrocopos major*, проводящие здесь круглый год и даже начавшие гнездиться поблизости (Березовиков, Таболина 2016). Серьёзную конкуренцию им в последнее время стали создавать прикормленные белки *Sciurus vulgaris*, которых дятлы всячески пытаются

изгонять от кормушек. Поэтому, завладев лакомой пищей, белки стараются убежать подальше по стволу дерева, где, устроившись на ветке, приступают к кормёжке. Едят они кусочки хлеба, булочки, печенье, пряники, сыр и даже шоколадные конфеты (рис. 1-3).

Рис. 2. Белка *Sciurus vulgaris* ест хлеб из кормушки. 28 октября 2017. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 3. Белка *Sciurus vulgaris* с шоколадной конфетой из кормушки.
28 октября 2017. Фото И.С.Таболиной.

Прилетают и кормятся на земле и асфальте под кормушкой сизые голуби *Columba livia* var. *domestica*, обычно довольствующиеся хлебными крошками. Нередко прилетают сороки *Pica pica*, также активно

изгоняемые дятлами. Поэтому появляются сороки чаще всего украдкой, в момент отсутствия рядом больших пёстрых дятлов и, схватив с кормушки кусок хлеба, быстро скрываются в лесу. Исключение составляют большие синицы *Parus major*, которых дятлы не преследуют и позволяют в любое время кормиться рядом с ними.

Рис. 4. Белка *Sciurus vulgaris* с баурсаком перед похищением его сорокой. 29 октября 2017. Фото И.С.Таболиной.

Любопытный случай произошёл 29 октября 2017. Недалеко от кормушки, на которой хозяйничал большой пёстрый дятел, прогнавший белку, для неё на камне в стороне был выложен баурсак – мучное изделие казахской национальной кухни типа пончика, испечённое в кипящем масле в казане (рис. 4). Она схватила его и тотчас умчалась вверх по стволу ближайшей сосны, где устроилась на одной из толстых ветвей. Увлечённая поеданием деликатеса, она была неожиданно атакована сорокой, которая виртуозно выхватила у неё из лап баурсак и улетела с ним в клюве.

Литература

Березовиков Н.Н., Таболина И.С. 2017. Новые трофические адаптации большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в зонах отдыха в Каркаралинском бору и случаи кормления птенцов хлебом // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1462): 2592-2596.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1418-1423*

Отлов куликов на Куршской косе

А.П.Шаповал, Д.Ю.Леоке

Анатолий Петрович Шаповал. SPIN-код: 8279-9210. Биологическая станция «Рыбачий», ФГБУН Зоологический институт РАН, посёлок Рыбачий, Калининградская область, 238535. Россия. E-mail: apshap@mail.ru
Дмитрий Юрьевич Леоке. Биологическая станция «Рыбачий», ФГБУН Зоологический институт РАН, посёлок Рыбачий, Калининградская область, 238535. Россия. E-mail: dleoke@mail.ru

Поступила в редакцию 7 марта 2018

На протяжении 60 лет на Куршской косе Балтийского моря проводится массовый отлов и кольцевание птиц с целью изучения различных аспектов их миграции. До настоящего времени поймано и окольцовано свыше 3 млн. птиц 200 видов. Основным методом отлова являются специально сконструированные Я.Я.Якшисом большие стационарные ловушки рыбачинского типа. Однако кулики в них (за редким исключением) ловятся очень редко. С 1993 года начал функционировать полевой стационар в посёлке Рыбачий, где отлов птиц проводится паутинными сетями (несколько десятков сетей, установленных линиями). Дополнительно птицы отлавливаются паутинными сетями на водопое также и в других местах. Были попытки эпизодического отлова куликов на морском побережье косы автоматическими лучками и в других местах иными способами. Все эти методы позволили отловить и окольцевать за многолетний период около 400 особей 14 видов куликов, данные о которых и приводятся в настоящем сообщении.

Пойманные птицы подвергались стандартной прижизненной обработке (Виноградова и др. 1976). Основные морфологические показатели измерялись линейкой (длина крыла и хвоста с точностью до 1 мм), масса птиц – сначала квадрантными и электрическими весами ВЛТК-500, а в последние десятилетия при помощи электронных весов (с точностью до 0.1 г). Жирность птиц определялась визуально в баллах по пятибалльной шкале по методике Т.И.Блюменталь и В.Р.Дольника (1962). Названия таксонов и порядок их расположения даны по L.Jonsson (1992) и согласно кодам EURING (1979).

Малый зуёк *Charadrius dubius*. Поймана единственная молодая птиц утром (8.00 местного времени) 15 августа 1971 в большую стационарную ловушку на границе молодых посадок обыкновенной сосны и открытых дюн на полевом стационаре «Фрингилла». Длина крыла – 114 мм.

Галстучник *Charadrius hiaticula*. Единственная птица (возраст не определён) отловлена 10 сентября 1973 автоматическим лучком на морском побережье косы в районе полевого стационара «Фрингилла». Длина крыла 125 мм, масса тела 55.3 г.

Чибис *Vanellus vanellus*. Обычный пролётный вид на косе. Изредка гнездится на лугу в окрестностях посёлка Рыбачий. Всего поймано 7 чибисов, из них 5 молодых в начальный период работы Биостанции (24-26 июня 1956 и 19 июля 1958)при специальном отлове, а также одна птица (неизвестного возраста) 5 мая 1967 на лугу в окрестностях Рыбачьего. Ещё одна птица (также неизвестного возраста) отловлена рано утром (6.00 местного времени) весной (29 апреля 2000) на постоянной линии паутинных сетей. Длина крыла этого экземпеляра составила 220 мм, масса тела – 226.9 г.

Исландский песочник *Calidris canutus*. Поймано три молодых птицы 6, 8 и 9 сентября 1973 на морском берегу косы в районе полевого стационара «Фрингилла» специальной ловушкой для отлова куликов и автоматическим лучком. Длина крыла этих птиц составила соответственно 167, 157 и 164 мм, а масса тела – 93.2, 101.5 и 133.1 г. У последней птицы видимые жировые запасы отсутствовали.

Кулик-воробей *Calidris minuta*. 2 сентября 1981 на полевом стационаре «Фрингилла» в большую ловушку, расположенную на границе открытых дюн и молодых посадок обыкновенной сосны, во второй половине дня (16.00 местного времени) была поймана одна птица (не определённого возраста) с явными признаками болезни. Она была очень истощённой (торчал киль грудины) с массой тела всего 15.6 г и длиной крыла 96 мм.

Чернозобик *Calidris alpina*. Всего отловлено 9 птиц. Три взрослые особи пойманы в большую стационарную ловушку возле Биостанции в посёлке Рыбачий 20 и 21 июля 1959. Остальные чернозобики отловлены на морском берегу у полевого стационара «Фрингилла» 6 и 7 сентября 1973 (5 молодых особей) и 1 октября 1975 (неизвестного возраста). Две птицы были тощими (балл жира «нет») и четыре – маложирными (балл жира «мало»). Длина крыла колебалась от 112 до 124 мм, причём у трёх особей она была одинаковой (119 мм), а масса тела имела пределы 42.3-47.1 г (в среднем 44.74±0.49 г).

Гаршнеп *Lymnocryptes minimus*. Всего поймано 18 птиц, из них 5 в большую ловушку на границе молодых посадок обыкновенной сосны и открытых дюн при перемещении в южном направлении на полевом стационаре «Фрингилла» и 13 – в паутинные сети на берегу залива на полевом стационаре «Рыбачий». Только 5 особей отловлено весной в апреле (8 апреля 1982, 9 апреля 1996, 22 апреля 1999 и 25 апреля 2003) и начале мая (2 мая 1996). Остальные гаршнепы ловились осенью со второй половины сентября (три птицы) до конца октября (10 птиц). Только у трёх осенних птиц был определён возраст (все первогодки), а у 6 – визуально жировые запасы (у одной весной, у остальных осенью), причём у всех птиц подкожный жир отсутствовал. Длина крыла у весенних птиц (n = 5) колебалась в пределах 111-114 мм (средняя

113.08±0.64 мм), а масса тела – 44.6-70.7 г (средняя 53.44±5.09 г). У осенних птиц (n = 13) эти параметры составили 110-121 мм (в среднем 113.31±0.99 мм) и 42.0-77.3 г (в среднем 53.29±3.34 г) и были практически идентичны весенним.

Бекас *Gallinago gallinago*. Поймано 18 птиц – как в большие ловушки на полевом стационаре «Фрингилла» (7 особей), так и на полевом стационаре «Рыбачий» в расположенные на берегу Куршского залива паутинные сети (ещё один бекас попался в них же на первом полевом стационаре). В летний период отловлено 7 птиц, четыре из них в июле, причём молодая и взрослая птицы вместе рано утром (6.30 местного времени) 19 июля 1975 в стационарную ловушку. Возможно, это был один из родителей с потомком, родившимся на косе. Ещё одна птица (возраст не определён) поймана 8 июля 2015 паутинной сетью на луже на стационаре «Фрингилла». Последняя июльская птица (28 июля 1995) отловлена в Рыбачьем. Самая ранняя августовская птица (6 августа 1977) попалась в стационарную ловушку, а две в конце августа – в паутинные сети на стационаре «Рыбачий». Во время осенней миграции поймано 11 бекасов (в сентябре – 9, в октябре – 2) как в большие ловушки на стационаре «Фрингилла» (4 птицы), так и в паутинные сети в Рыбачьем (8 птиц). Большинство бекасов отловлены в утренние часы (12 особей) и лишь несколько в середине дня (4 особи) и вечером (2 особи).

У 15 бекасов была измерена длина крыла и у 14 – масса тела. Длина крыла колебалась от 130 до 143 мм (средняя 136.27±0.89 мм), а масса тела от 78.5 до 111.2 г (средняя 96.64±2.72 г), причём у молодых птиц (n = 3) она была заметно ниже (средняя 94.8±8.39 г, пределы 85.5-108.0 г), чем у взрослых (n = 3) (средняя 103.33±2.97 г, пределы 100.2-108.2 г), а длина крыла отличалась незначительно (у молодых в среднем 135.33±4.86 мм, у взрослых 138.33±1.13 мм).

В весенний период не было поймано ни одного бекаса.

Вальдшнеп *Scolopax rusticola*. Поскольку этот вид относится к сухопутным, населяющим в основном леса разных типов, он чаще всего из куликов отлавливается на косе. Всего было поймано 227 особей за 51 год (от 1 до 18 ежегодно) из 58 лет. Чаще всего птицы отлавливались большими ловушками (n = 203) на полевом стационаре «Фрингилла», в то время как на стационаре «Рыбачий» все особи (n = 24) были пойманы в паутинные сети. По сезонам года отловы распределились следующим образом: весна – 29, лето – 14 и осень – 184 особей. В отловах преобладали молодые птицы (молодых 108, взрослых – 34). Более подробные данные об этом виде будут представлены в отдельной публикации.

Большой кроншнеп *Numenius arquata*. Чаще всего большой кроншнеп встречается на Куршской косе летом (июль-август). Поскольку

эти кулики придерживаются открытых дюн, 18 августа 1981 случайно в большую ловушку поймана одна молодая птица в сильный туман. Длина крыла составила 297 мм, масса тела – 550 г.

Черныш *Tringa ochropus*. Как и вальдшнеп, черныш в основном приспособлен к жизни в лесных биотопах, поэтому нередко отлавливается на косе. Всего, начиная с конца 19760-х годов до настоящего времени, поймана 21 птица. В Рыбачьем отловлено 5 особей (все в паутинные сети), а 16 птиц – на стационаре «Фрингилла», причём в большие ловушки попалось 5 птиц, а остальные были пойманы на небольшой луже в паутинные сети. Черныши ловились преимущественно в утреннее время и в первой половине дня, а поздний отлов произошёл в 15.00 местного времени. Особенностью этого вида является то, что значительная часть птиц была поймана летом: в июне – 4, в июле – 13, в августе – 1, а весной всего две (16 апреля 1997 и 24 апреля 2003) и обе в Рыбачьем. Единственная птица, пойманная в мае (29 мая 2012), определена как молодая этого года рождения, что вызывает сомнение в правильности определения её возраста. Например, в Ленинградской области молодые птицы из самых ранних выводков поднимаются на крыло в конце июня, а большинство – в середине июля (Мальчевский, Пукинский 1983). Среди отловленных чернышей 3 особи были взрослыми и 12 – первогодками. Длина крыла у взрослых куликов колебалась в пределах 136-146 мм (средняя 141.67±3.66 мм), а у молодых – 136-149 мм (средняя 142.42±1.23 мм), масса тела соответственно 65.9-67.3 г (средняя 66.97±0.54 г) и 59.5-83.0 г (средняя 69.92±15.92 г). Длина крыла у птиц, возраст которых не был определён имела пределы 137-143 мм (средняя 141.01±1.28 мм), масса тела – 71.4-80.6 г (средняя 75.46±2.23 г). Жирность пойманных птиц была невысокой (с баллом жира «нет» – 7, «мало» – 4, «средне» – 3), что обусловлено летним временем отлова.

Фифи *Tringa glareola*. Поймано 13 птиц, из них 12 в Рыбачьем (6 большими ловушками, 4 паутинными сетями на постоянных линиях и 2 другими способами). Единственная птица на полевом стационаре «Фрингилла» отловлена в большую ловушку 16 июля 2000. Практически все фифи пойманы летом (в июле – 5, в августе – 7) и только одна в мае (23 мая 2001), причём они ловились как утром (6 особей), так и в середине дня (также 6 особей). У 9 куликов определён возраст: 5 птиц оказались взрослыми и 4 – молодыми. Только у 6 особей измерена длина крыла (пределы 122-154 мм, средняя 138.03±6.21 мм), а масса тела у 5 (пределы 46.0-66.1 г, средняя 54.94±4.77 г). Поскольку отлов птиц ограничен летним сезоном, они были либо тощими (3 особи), либо маложирными (1 птица).

Перевозчик *Actitis hypoleucos*. Наряду с вальдшнепом, перевозчик является одним из самых обычных отлавливаемых видов куликов. За

58 лет массового отлова птиц на косе этот вид ловился в течение 17 отдельных лет, правда, в небольшом числе –от 1 до 13 птиц ежегодно и только в 1959 году было поймано 29 особей (всего же было поймано 96 перевозчиков). На полевом стационаре «Фрингилла отловлено всего 4 птицы, 3 из них стационарными ловушками и 1 в его окрестностях в паутинную сеть. В Рыбачьем же поймано преобладающее большинство птиц (92 особи), причём они ловились как в стационарную ловушку, функционировавшую здесь с 1957 по 1967 год, так и в постоянные линии паутинных сетей, а также при эпизодических отловах отдельными паутинными сетями в окрестностях посёлка. По сезонам отловы распределились следующим образом: весной – 12, летом – 80 и осенью – 4 птицы. Более подробные данные об этом виде будут представлены в отдельной публикации.

Камнешарка *Arenaria interpres*. В предпринятых попытках отлова куликов на морском берегу в районе полевого стационара «Фрингилла» 7 и 9 сентября 1973 были пойманы две молодые камнешарки. У обоих не было видимых подкожных запасов жира (балл «нет»), птицы имели сходную дину крыла (148 и 147 мм) и относительно близкую массу тела (83.8 и 87.4 г).

Таким образом, за многолетний период отлова разными методами на Куршской косе было поймано 399 особей 14 видов куликов. Несмотря на ограниченный набор видов, представленный материал имеет несомненный интерес как в отношении сезонного распределения, так и состояния пойманных птиц.

В результате отстрела в 1956-1959 годах 540 особей 22 видов куликов (для паразитологических исследований) и визуально отмеченных ещё 4 видов, для данной территории приведено 26 видов куликов (Белопольский, Егоркина 1976). Наиболее массовыми оказались чибис, перевозчик, фифи, чернозобик и бекас. Однако полный список видов куликов этими авторами не приводится. В другой публикации, основанной на многолетних наблюдениях за фауной птиц (вторая половина XIX – первая половина XX века) на Куршской косе отмечено 38 видов куликов (Tischler 1941).

Работа выполнена в рамках гостемы АААА-А16-116123010004-1

Литература

Белопольский Л.О., Егоркина Н.Г. 1976. Некоторые данные о характере пребывания и миграциях куликов на Куршской косе // *Материалы 9-й Прибалт. орнитол. конф.* Вильнюс: 24-25.

Блюменталь Т.И., Дольник В.Р. 1962. Оценка энергетических показателей птиц в полевых условиях // *Орнитология* **4**: 394-407.

Виноградова Н.В., Дольник В.Р., Ефремов В.Д., Паевский В.А. 1976. *Определение пола и возраста воробьиных птиц фауны СССР. Справочник*. М., Наука: 1-189.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.
EURING manual: new EURING. 1979. BTO publ.
Jonsson L. 1992. *Birds of Europe*. London: 1-559.
Tischler F. 1941. *Die Vögel Ostpreussens und seiner Nachbargebiete*.. Königsberg; Berlin: 1-1304.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1585**: 1423-1424*

Голубая сорока *Cyanopica cyanus* в Баргузинском заповеднике

К.П.Филонов

*Второе издание. Первая публикация в 1961**

Северная граница распространения забайкальской голубой сороки *Cyanopica cyanus* доходит до устья Селенги, городов Улан-Удэ и Читы, Зимние кочёвки этих птиц севернее реки Читы не отмечались (Павлов 1948: Рустамов 1954)).

14 октября 1958 в районе села Максимиха (южный берег Баргузинского залива, восток центральной части Байкала) научным сотрудником Баргузинского заповедника С.П.Кирпичёвым и лаборантом А.Ф. Татариновым был услышан голос голубой сороки. Через 8 дней в этом же районе была встречена стая в 7 птиц. Вечером этого же дня в зарослях молодого сосняка с рододендроном были обнаружены на ночёвке 15 голубых сорок, две из которых были добыты.

16 октября автором была встречена одна голубая сорока на лесной дороге в 2 км от посёлка Давше (главная усадьба Баргузинского заповедника) с двумя кукшами *Perisoreus infaustus* и одной кедровкой *Nucifraga caryocatactes*. В этот же день в 18 км от посёлка у кордона Река Большая, научным сотрудником С.К.Устиновым была добыта одна голубая сорока из четырёх, державшихся там.

17 октября в районе устья реки Кудалды наблюдались 12 голубых сорок. Через неделю их здесь стало больше, до 40-50 птиц, которые перелетали по ивовым кустам. Одна птица была добыта.

Таким образом, голубые сороки быстро распространились по восточному побережью Байкала и самое северное нахождение этой птицы обнаружено в 120-125 км от заповедника, в устье реки Томпуда, где первая птица была замечена 23 октября.

* Филонов К.П. 1961. Голубая сорока в Баргузинском заповеднике // *Биологический сборник*. Иркутск: 230-231.

С 25 октября голубые сороки систематически наблюдались в посёлке Давше – от одиночных птиц до стай в 20 экземпляров. Они придерживались калтусов, заросших ивой и низкорослой берёзкой, а также вырубок и изреженных опушек. Часто их можно было встретить в непосредственной близости от домов, на помойках, где они питались различными отбросами. На калтусах и опушках они, видимо, собирали ягоды и семена. В желудках добытых птиц обнаружены плоды можжевельника, мякоть и семена шиповника, околоплодные веточки голубики. В неволе голубая сорока охотно ела бруснику и рыбу.

Голубые сороки придерживались жилых строений и узкой полосы у Байкала. Около кордонов и на берегу Байкала до выпадения снегов они поедали внутренности рыбы, брошенные рыбаками, а на кордоне реки Большой голубые сороки длительное время клевали тушу убитой собаки. С начала ноября голубые сороки регулярно, до конца апреля, посещали кормовые столики, где ели рыбу, мясо собак и лучше всего дроблёные кедровые орехи.

К концу ноября по всему побережью (район заповедника) наблюдалось резкое сокращение числа этих птиц. Так, в районе кордона Кудалды вместо больших стай осталась всего 2 птицы; на кордоне Река Большая – 3, у зимовья в устье реки Таркулик – 1. В посёлке Давше вместо стай по 20 птиц осталось 12 голубых сорок на кормовых столиках. В первой декаде декабря птицы повсеместно исчезли и только в посёлке держалось четыре.

Весь зимний день у голубых сорок проходил в поисках пищи – сначала утром на кормовых столиках, а позже – по всему посёлку. Однако от домов в тайгу они не отлетали. Ночевали они на большом кедре, в густой кроне, метрах в 80 от прикормочной площадки.

Все четыре птицы благополучно перезимовали, и последняя встреча их в посёлке приходилась на 14 мая.

Двенадцать птиц были закольцованы, причём 2 из них попадались повторно в течение всей зимы.

По сообщению Центра кольцевания, голубая сорока, закольцованная в заповеднике 12 ноября 1958, найдена мёртвой 26 июня 1959 в огороде участка «32-й км» Челутаевского леспромхоза Заиграевского района Бурятии.

Литература

Павлов Е.И. 1948. *Птицы и звери Читинской области: Материалы к изучению птиц и млекопитающих Забайкалья*. Чита: 1-151.

Рустамов А.К. 1954. Семейство вороновые Corvidae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 13-104.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск **1585**: 1425-1426*

К распространению ошейниковой овсянки *Emberiza fucata* в СССР

О.К.Гусев

*Второе издание. Первая публикация в 1961**

4 июля 1957 в 132 км выше устья реки Баргузин, считая по течению реки, невдалеке от деревни Хилганы нами были добыты 4 взрослых экземпляра ошейниковой овсянки *Emberiza fucata*. Они хранятся в музее Баргузинского заповедника. Летом 1958 года на северо-западном побережье Байкала, на берегу озера Малое Солонцовое (мыс Малый Солонцовый), мной был добыт ещё один экземпляр ошейниковой овсянки (25 июня, самка, ad), хранящийся в настоящее время в коллекции Восточно-Сибирского филиала АН СССР.

В долине Баргузина ошейниковые овсянки держались на влажных лугах, перемежающихся с редкими кустами ив. Овсянки этого вида здесь были обычными птицами и встречались так же часто, как и широко распространённые овсянки-дубровники *Emberiza aureola*. Поющие самцы, время сборов и характер стаций позволяют считать ошейниковых овсянок довольно многочисленной гнездящейся птицей долины реки Баргузин.

На северо-западном побережье Байкала ошейниковая овсянка была нами встречена только один раз. Она, по-видимому, залетела сюда из долины Баргузина. Мыс Малый Солонцовый находится напротив полуострова Святой Нос, расположенного в непосредственной близости к реке Баргузин.

Эти находки весьма интересны в зоогеографическом отношении. Ошейниковая овсянка – обыкновенная гнездящаяся птица южной половины Уссурийского края (Воробьёв 1954). Нахождение её в Баргузинской долине и на северо-западном побережье Байкала позволяет уточнить и значительно расширить наше представление об ареале этого вида в СССР.

Для Забайкалья ошейниковая овсянка была впервые приведена П.С.Палласом (Козлова 1930), но в дальнейшем долгое время не была там обнаружена. Е.В.Козлова (1930) нашла изолированную колонию ошейниковых овсянок в Юго-Западном Кэнтэе (Хэнтэе), где они были обыкновенными гнездящимися птицами. В 1930-1940-е годы ошейниковая овсянка была снова обнаружена в Забайкалье. Она приводится Долгушиным для Даурских степей, добыта Некипеловым в

* Гусев О.К. 1961. К распространению ошейниковой овсянки в СССР // *Биологический сборник*. Иркутск: 214-216.

1936 году на реке Дурулгай, Бибиковым в 1944 году в Борзинском районе, Скалоном – в 1935 году у Александровского завода (Спангенберг, Судиловская 1954). Г.П.Дементьев (Бутурлин, Дементьев 1937) упоминает, что А.А.Слудский встречал её на пролёте в долинах рек Тунка и Баргузин, но в более поздней капитальной сводке (Спангенберг, Судиловская 1954) это упоминание опущено. По личному сообщению В.Н.Скалона, А.А.Слудский молодых овсянок-ремезов *Emberiza rustica* ошибочно определил как ошейниковых овсянок. В списке птиц Байкала и Прибайкалья (Гагина 1958) этот вид, как редко залётный, приводится только для долины реки Селенги. На северо-восточном побережье Байкала он нами не встречен. Не найден он также и в долине реки Верхней Ангары (Гагина 1954).

Долина реки Баргузин является крайним северо-западным пунктом распространения и, по-видимому, гнездования ошейниковой овсянки. Здесь мы встретились с изолированной колонией птиц, судя по описанию Е.В.Козловой, совершенно аналогичной Кэнтэйской.

Характер распространения ошейниковой овсянки в СССР помогает понять «механизм» расселения некоторых видов птиц. Случайно залетевшие экземпляры при наличии свойственных виду местообитаний могут оседать в новых местах и давать начало изолированным колониям, которые, в свою очередь, являются центрами дальнейшего расширения ареала вида.

Причиной появления ошейниковой овсянки в долине Баргузина мы считаем продолжающееся потепление климата Прибайкалья.

Литература

Бутурлин С.А., Дементьев Г.П. 1937. *Полный определитель птиц СССР*. М.; Л., **4**: 1-334.

Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.

Гагина Т.Н. 1954. К фауне птиц Северного Байкала // *Изв. Вост.-Сиб. отд. Геогр. общ-ва СССР* **58**: 69-85.

Гагина Т.Н. 1958. Птицы Байкала и Прибайкалья // *Зап. Иркут. обл. краевед. музея*. Иркутск, **1**: 173-191.

Козлова Е.В. 1930. *Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби*. Л.: 1-396.

Спангенберг Е.П., Судиловская А.М. 1954. Род овсянки *Emberiza* Linnaeus, 1758 // *Птицы Советского Союза*. М., **5**: 376-798.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1427-1428*

Запасание корма у синиц *Parus* spp. и поползня *Sitta europaea*

А.В.Бардин

*Второе издание. Первая публикация в 1972**

Среди мелких воробьиных птиц запасание корма отмечено нами у 5 видов: у поползня *Sitta europaea*, болотной гаички *Parus palustris*, пухляка *Parus montanus*, московки *Parus ater* и хохлатой синицы *Parus cristatus*. У лазоревки *Parus caeruleus* и большой синицы *Parus major* запасания корма не наблюдалось. Большинство наших наблюдений было сделано при запасании птицами семян подсолнечника на искусственных кормушках в окрестностях города Печоры Псковской области в 1970-1971 годах. В естественных условиях синицы запасали главным образом семена сосны *Pinus sylvestris* и ели *Picea abies*. Осенью 1971 года наблюдалось также массовое прятание пухляками и хохлатыми синицами гусениц пядениц, преимущественно сосновой пяденицы *Bupalus piniarius*. У поползней, кроме семян сосны и ели, отмечено прятание семян крушины *Frangula alnus* и зёрен овса из конского навоза.

Было установлено, что молодые особи начинают запасать корм уже с июля. Максимальная активность запасания наблюдается в осеннее время, однако при наличии достаточного количества пищи запасы могут создаваться в течение всего года, в том числе и в сезон размножения. Только в период выкармливания птенцов и некоторое время после окончания репродуктивного цикла запасание кормов обычно не отмечается, хотя в одном случае нам удалось зарегистрировать интенсивное прятание семян сосны хохлатыми синицами, имевшими однодневных птенцов.

Для всех перечисленных видов характерно дисперсное распределение запасов. Даже в случае одновременного переноса в клюве нескольких объектов корма они всегда прятались птицами раздельно. Запасаемый корм синицы и поползни уносили не далее 30-60 м в самых различных направлениях от места его сосредоточения и прятали на деревьях в трещинах коры, под талломами лишайников, между хвоей. Эти места весьма определённы для каждого вида и находятся в соответствии с его кормовой нишей, т.е. с типичными для вида местами кормёжки и способами кормодобывания.

---

* Бардин А.В. 1972. Запасание корма у синиц и поползней // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф.* Таллин: 9-10.

Сам способ прятания пищи также обнаруживает видовую специфичность. Например, поползни глубоко забивают объект запасания в трещину коры, нередко прикрывая её затем кусочком лишайника или коры. Глубоко прячет пищу и пухляк, в то время как добыча, спрятанная хохлатой синицей, всегда видна снаружи. При наличии богатого источника корма птицы могут устраивать огромные запасы пищи, прилетая за очередной порцией 1-2 раза в минуту и работая на протяжении большей части дня.

Вопрос об использовании этих запасов пока остаётся в значительной мере открытым. Создаётся впечатление, что птицы рассматриваемых видов не запоминают места расположения своих запасов и находят спрятанный ими корм наравне с впервые обнаруженным. Это предположение подтверждается тем фактом, что синицы и поползни нередко вновь перепрятывают найденные запасы. Также нет оснований полагать, что запасы делаются специально на голодный сезон: по мере нахождения спрятанная пища может съедаться даже в день её запасания. Иногда птицы прячут пищу даже на чужой территории, куда они заходят крайне редко. Всё это заставляет нас присоединиться к мнению С.Хафторна о коллективном использовании запасаемого синицами корма (Haftorn 1953, 1956a,b,c).

Являясь инстинктивным актом поведения, реакция «запасания корма» имеет большое адаптивное значение для поползня и синиц. Она позволяет обогащать кормовую нишу вида путём сохранения временных кормов и переводом их в малодоступное особям других видов состояние. Запасание корма следует считать характернейшим явлением в жизни обоих видов гаичек, московки, хохлатой синицы и поползня.

Литература

Haftorn S. 1953. Contribution to the food biology of tits especially about storing of surplus food. Part I. The crested tit (*Parus c. cristatus* L.) // *Kgl. Nor. Vidensk. Selsk. Skr.* 4: 1-123.

Haftorn S. 1956a. Contribution to the food biology of tits especially about storing of surplus food. Part II. The coal tit (*Parus ater* L.) // *Kgl. Nor. Vidensk. Selsk. Skr.* 2: 1-52.

Haftorn S. 1956b. Contribution to the food biology of tits especially about storing of surplus food. Part III. The willow tit (*Parus atricapillus* L.) // *Kgl. Nor. Vidensk. Selsk. Skr.* 3: 1-79.

Haftorn S. 1956c. Contribution to the food biology of tits especially about storing of surplus food. Part IV. A comparative analysis of *Parus atricapillus* L., *P. cristatus* L., and *P. ater* L. // *Kgl. Nor. Vidensk. Selsk. Skr.* 4: 1-54.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск ***1585****: 1429*

Залёт саджи *Syrrhaptes paradoxus* в Амурскую область весной 1966 года

В.И.Потороча

*Второе издание. Первая публикация в 1968**

Саджи *Syrrhaptes paradoxus* были отмечены нами 26 марта 1966 в окрестностях города Свободного (на реке Зее). Птицы летели парами, по 10, 16, 20 шт., в северном направлении. Дальнейшие наблюдения велись в окрестностях села Знаменка Ромненского района. Здесь пролёт саджи начался 26 марта и продолжался по 13 апреля включительно. Стаи были малочисленны: от 2 до 20 птиц. Самая большая стая, которую мы наблюдали, состояла из 60 птиц. Однако на юге нашего района, по собранным нами сведениям, были стаи по 100-200 птиц. В течение этой недели стояла тёплая погода, с полей сошёл снег. Стаи садж летели в северном направлении. Наиболее интенсивно пролёт шёл до 10 ч утра. Днём птицы жировали на полях. Добытая нами самка была очень жирной. Зоб в основном был наполнен зёрнами гречихи и пшеницы. До 10 апреля пролёт шёл ежедневно. Только 8 апреля с 7 ч 30 мин до 9 ч 40 мин пролетело более 300 птиц. Вполне можно сказать, что пролёт был обильным. Наступившее 2 апреля резкое похолодание (выпал снег, подул сильный ветер) заставило саджу откочевать на юг. Теперь стайки садж численностью от 6 до 40 птиц в стае потянулись в обратном направлении – на юг. Последний раз стайка садж из 8 птиц была отмечена нами 13 апреля. Пролёт саджи весной 1966 года в Амурской области наблюдался не только на территории Ромненского и Свободненского районов, но также в Ивановском и Селемджинском.

* Потороча В.И. 1968. Залёты саджи на Дальний восток // *Орнитология* **9**: 354-355.